

Elena B. Ivushkina,
PhD, Doctor of Philosophy, Professor;

Irina B. Kushnir,
ScD (Economics), Associate Professor;

Aleksandra A. Stradanchenko,
Senior lecturer,
Institute of the service sector and enterprise (branch),
Don State University

Holistic and Cultural Approach to the Innovation Development of the Russian Economy

Key words: *Culture, economy, innovation, cultural policy.*

Annotation: *The article is devoted largely to the search of the latent factors and objective laws that affect the quality of economic and political changes taking place in Russia in recent years. It explains the necessity of abandoning the dominant of the technocratic interpretation of economic processes during a long period time (by measuring of various techno-economic indexes) in favor of a person, the main agent of the economy. In this case the authors pay attention to the formation of cultural and holistic aims, providing a much greater influence on the innovative behavior of real economic individuals than primitive pursuit by them their personal benefits.*

Проводимые в конце прошлого века радикальные реформы окунули Россию из огня тоталитарного коммунизма в полымя тотальной гомогенизации мира в форме завершенной вестернизации (13, р. 248). Как большевики в начале XX в., так и европоцентристские миссионеры в конце XX в. ставили целью своей деятельности – проведение глубоких, можно сказать революционных, реформ по построению идеального общественного строя. При этом и те и другие в процессе своих реформ столкнулись с фактором, препятствующим прогрессу и тянущим граждан (да и страны в целом) назад – культурным архетипом российского общества, представляющим собой глубинные культурные установки «коллективного бессознательного», который можно изменить, только приложив значительные усилия.

И если для большевиков, со слов выступившего на втором всесоюзном съезде культурных работников, Л.Троцкого «вопросы культурной работы неразрывно связаны с политикой, с социалистическим строительством. Это – азбука» (16), то для современных реформаторов, вопрос о связи культуры и экономики привлек внимание относительно недавно.

«Культура имеет значение» (2, р.15) – вот тезис, который был выдвинут на рубеже веков Л.Харрисоном и С.Хантингтоном и подхваченный научным сообществом. Данной тематике были посвящены два симпозиума. Первый симпозиум, прошедший в Гарварде в 1999 году, дал представление о значении культуры в развитии человечества и ее влиянии на современное общественное и экономическое развитие.

Для России, заметно отставшей в результате трансформационного спада конца XX в. от передовых стран, вопросы, связанные с теориями экономического развития,

представляют уже не столько теоретический, сколько практический интерес в связи с актуализацией поиска новых источников экономического роста. Оказалось, что для инновационного экономического развития государства недостаточно выработать и впоследствии реализовать должным образом «правильную» экономическую политику вооружившись лозунгом монетаристов «деньги – это единственное, что имеет значение» активирующим потенциал институтов развития, финансирующих инновации венчурного предпринимательства.

Многие государства, к числу которых относится и Россия, увеличивают государственные и частные инвестиции в научные разработки, создают специальные кластеры по стимулированию инноваций (свободные экономические зоны, технопарки и проч.), а также предпринимают другие политические и экономические меры для активизации национальных инновационных систем. Наиболее харизматичным является пример технопарка Силиконовой долины в США, успех которого в части мирового средоточия инноваций и высоких технологий стараются повторить во всем мире: на Тайване в «Кремниевом острове», в индийском Бангалоре в «Кремниевом плато», да и в самих США были созданы в штатах Остин и Вирджиния Кремниевые холмы и Кремниевый доминион соответственно.

Россия вновь не осталась в стороне, запустив свой многомиллиардный проект «Сколково» от которого правительство «рационально ожидает» ответной реакции нелиберального «экономического человека», собственный интерес которого, перенаправит капитал из испытывающих кризис нерентабельных отраслей в инновационные сферы. Однако, по мнению Е. Ясина (17, р. 4-6) не стоит рассчитывать, что только «большие деньги», на которые будет построен «чудо-город», где будут работать нобелевские лауреаты, решат проблемы инновационного развития, которое, по своей сути, особенно требовательно к «культурной среде, науке, образованию, свободе творчества, предпринимательству, развитию не только интеллекта и креативности, но и способности успешно внедрять инновации в условиях рыночной экономики» (8).

Вот почему ключевые для традиционной экономики факторы, такие как институциональные, политические, юридические и экономические, под влиянием феномена инновационности уступают по значимости социально-культурным и образовательным факторам. И если образовательные факторы воздействуют на интеллектуальные способности человека, то социально-культурные обращаются к его «основам» – нравственным нормам и ценностным установкам, являющимися имманентными регуляторами деятельности индивидов, которые они осознанно или неосознанно выбирают в пространстве культуры как наиболее подходящие для них.

Теоретические исследования правил поведения индивидов, детерминированных ценностями, развились на стыке таких научных дисциплин как философия, антропология, социология и психология из-за чего, по мнению Е. Бем-Баверка, понятию «ценность» придается множество разнообразных значений» (4).

В экономической теории, начиная с А. Смита, ценность признается в качестве регулятора экономической активности индивидов, что требует ее включения в теоретические построения с прагматически-утилитарных позиций. Ценность здесь сводится к рефлексивным ценностным представлениям, присутствующим в сознании, основанным на удовлетворении определенных потребностей и в конечном итоге к экономической стоимости.

Таким образом, в зависимости от толкования понятия «ценности», по мнению Липова В.В. экономическая теория выделяет два основных направления (9). Согласно первому, ценность – это стоимость, цена товара, определяемая материальными, естественными причинами, которые в скрытом виде содержатся в товаре или услуге Согласно второму, ценность имеет субъективный характер, но сводится она к чисто

утилитарной полезности, несущей практическую в ряде случаев парадоксальную направленность (парадокс ценности воды и бриллианта) (15).

Абстрагируясь моделью «экономического человека» от ценностных установок реальных хозяйствующих индивидов, экономисты выбивают у себя из-под ног реальную почву, оказываясь в плену теоретических выкладок.

Претензии экономической теории к описанию реальных людей, основа хозяйственной деятельности которых основана на модели «экономического человека», свободного от оков нравственных норм и ценностных установок, способствовала появлению человекоподобного существа, стремящегося к богатству с беспредельным эгоизмом и расчетливостью.

Независящий от нравственных воззрений индивидов императив «невидимой руки Проведения», на который возлагали надежды реформаторы постсоветской России, нацеливая действующих в исключительно личном интересе индивидов, к работе на благо других, на практике воплотился в виде «существ» из научной абстракции Дж.С.Милля, которые желают обладать богатством, абстрагируясь «от любых других человеческих страстей и мотивов, кроме тех, которые можно считать вечными антагонистами стремления к богатству, а именно отвращение к труду и желание безотлагательно пользоваться дорогостоящими наслаждениями» (3, p.70).

Появление «воплоти» научной абстракции Дж.С.Милля в России стало возможным благодаря тем трансформационным «встряскам», которые испытала страна в XX веке. Революционные разрушения Российского общества сначала в 1917 г., а затем и в 1985 г. сопровождалось уничтожением культурного пласта «старых ценностей», выступающих базовыми регуляторами хозяйствующей деятельности индивидов. Здесь следует упомянуть А. Маршала, который отмечал, что в своем экономическом поведении индивиды руководствуются преимущественно привычками – установившихся способов реагирования в определенных ситуациях, которые были приобретены индивидами посредством научения от рождения и на протяжении всей его жизни (11, p. 76). По мнению Дж.П.Мёрдока общие для членов социальной группы привычки образуют культуру этой группы, способствуя формированию и оправданию как индивидуальных, так и групповых убеждений, целей и действий (12, p. 49-57).

Проанализировав массовое поведение индивидов, Ясин Е. делает вывод об отсталости культуры России, сохранившей пережитки аграрно-феодалного прошлого, закрепленные в годы советской власти, представлявшей собой «переиздание» феодализма в форме господства централизованной бюрократии с ведущими ценностями иерархии и власти (18). Воссозданная в ходе борьбы против сепаратизма на постсоветском пространстве административная вертикаль власти упрочила позиции патерналистского государства, зажав в общество в тиски зависимости и иерархии.

Следует отметить, что патернализм, по мнению Вовк В.Н. являет собой значимую черту российского культурного архетипа по включенности в систему вертикальных, иерархических социальных связей, организующих ригидное для инноваций общество (5).

Истоки патернализма восходят к многовековому опыту хозяйственной деятельности на слабозаселенных просторах России. Именно слабая заселенность согласно Ф. Хайеку блокирует развитие процессов по эффективному использованию имеющихся ресурсов (17, p. 23). Обилие разнообразных природных ресурсов стало для России тем ресурсным проклятием, которое согласно Р.Аути не только не гарантирует стране экономического процветания, а по большей части препятствует ему (1, p. 30). Экономическим агентам, ввиду отсутствия ограничения на ресурсы, в своей

хозяйствующей практике уже не нужно изыскивать инновационные процессы производства, обмена, распределения и потребления.

Преимущественно интенсивный труд детерминировал коммунальность материально-технологической среды и единое вертикально-централизованное управление, в котором система контроля основана на правилах и процедурах, способствующих воспроизводству в обществе определенного типа социально-культурных отношений, а именно: стремление к уклонению от принятых ответственных решений по саморазвитию, требование от властей разного рода гарантий социальной защиты и другой заботы.

Осознанно привитую в экономических действиях граждан культурно-ценностную норму иждивенческого отношения к жизни и беспомощности в обмен на лояльность к власти сегодня трудно сломить одним лишь призывом «мы все должны стать инновационными». Здесь следует акцентировать внимание на том, что инновационность не тождественно новшеству как выдвиганию новых идей, а особый канал получения материальных благ путем практической востребованности новшества рынком.

Следовательно, для того, чтобы «мы все стали инновационными» в условиях «раздувшегося советского собеса» необходимо сформировать в обществе такие культурные ценности, которые развили в индивидах стремление «получать» материальные блага, а не «заслуживать» их посредством лояльности к центральной власти. Ведь даже стратегии экономического и социального развития регионов-реципиентов, согласно данным Минрегионразвития «пишутся и регистрируются не в целях развития, а для «выбивания» средств из федерального бюджета и поддержания функционирования субъектов» (6).

Стратегическая цель федеральной политики регионального развития страны на современном этапе сформулирована не в росте абсолютных показателей размера экономики, а как «повышение благосостояния и качества жизни населения на территории России» (7), что, в свою очередь, определяется «производительностью экономики, измеряемой стоимостью товаров и услуг, производимых на единицу трудовых, финансовых и природных ресурсов» (14, р. 6).

Однако наряду с материальными факторами в качестве движущей силы экономики присутствуют также смыслообразующие регуляторы экономической деятельности: ценностно-культурные установки и представления членов общества, обуславливающие экономическое поведение граждан, которое, в свою очередь, способствует или препятствует экономическому развитию общества. Следует отметить, что современные экономические теории, например, неoinституционализм, поведенческая экономика и др. весьма обширно исследуют влияние культуры, идеологии, нравственности на экономическое развитие.

Вот почему по-прежнему актуально высказывание академика Д.С. Лихачева: «У нас в стране до сих пор нет концепции культуры и культурного развития. Большинство людей (в том числе и «государственных мужей») понимают под культурой весьма ограниченный круг явлений» (10) традиционно ассоциируемый с жанрами искусства, что искажает ее содержание. Умаление роли культуры в общественном развитии порождает ее низкий правовой статус, а приобщение к культурным ценностям сведено исключительно к посещению объектов культуры.

И если в Советском Союзе осознавалась роль различных институтов культуры в формировании человека, то на постсоветском пространстве услуги учреждений культуры, согласно общероссийскому классификатору видов экономической деятельности (ОКВЭД) переместились в раздел «Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг». А начиная с 2005 г., из

российского статистического ежегодника исчезли данные социально-экономических показателей развития данной отрасли.

Но ценностные представления, транслируемые культурой, как бы их ни маскировали, являются неотъемлемым компонентом экономической политики, поскольку достоверность экономического анализа и правильность рекомендаций предопределены лежащими в их основе интересами и культурно-ценностными ориентирами хозяйствующих индивидов.

Вот почему так важно вживить культурную политику в институциональную ткань экономических отношений, детерминирующих инновационное развитие современной России.

References:

1. *Auty Richard M. Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis. London: Routledge, 1993; 272.*
2. *Harrison LE, Huntington SP. (Eds.). Culture matters: How values shape human progress. New York: Basic Books, 2000; 320.*
3. *Avtonomov VS. Human model in economics. St.Petersburg: School of Economics, 1998; 230.*
4. *Bem-Baverk E. Fundamentals of the theory of business value property: The Austrian school in the political economy: K. Menger, E. Bem-Baverk, F. Viser. M.: Economics, 1992; 243-426.*
5. *Vovk VN. Paternalism in the Russian legal mentality: Jurist - lawyer. 2009, №1; 15-22.*
6. *The Report of the regional development Ministry «Institutionalization of the process of developing of the Russian federation regions socio – economic development strategy».[Electronic resource]. [Internet] Available from: www.minregion.ru/OpenFile.ashx/presentation-perov.ppt (date of the access: 14.06.2014).*
7. *The concept of the socio-economic development of the Russian federation regions [Electronic resource]. [Internet] Available from: <http://archive.minregion.ru/WorkItems/DocItem.aspx?PageID=148&DocID=136> (date of the access: 14.06.2014).*
8. *Lebedeva NM, Yasin EG. Culture and innovations. To the problem statement: Forsite. 2009, № 2 (10);16-26.*
9. *Lipov VV. The economic theory development as the evolution of understanding of the value component of human activities; From Scilla to Charybdis. The actual experience of Russia. V. 2. M.-Volgograd: Volgograd state University publishing house, 2002; 113-126*
10. *Likhachev DS. culture as an integrated environment: New World. 1994. №84; 3.*
11. *Marshall A. The principles of political economy. V.1. M.: 1983; 416.*
12. *Murdoch JP. Fundamental characteristics of culture. The anthology of cultural studies. V.1. Interpretation of culture. St. Petersburg: University book, 1997; 728.*
13. *Panarin AS. Philosophy of history. M.: Gardariky, 1999; 432.*
14. *Porter M, Ketels K. Competiveness at a crossroads: the direction of the Russian economy development. M.: 2006; 114.*
15. *Smith A. A study of the nature and causes of the wealth of nations. M.: Exmo, 2007; 960.*
16. *Trotsky L. Leninism and workers' clubs: Pravda, 1924. №165. 23.07.1924; 1.*
17. *Hayek FA. fatal conceit. Errors of Socialism. M.: Novosti, 1992; 304.*
18. *Yasin EG. Russian challenge: Commersant. 2010, 169 (4469). 14.09.2010; 4-6.*
19. *Yasin EG. The study of cultural values is a common matter of the social sciences: Psychology. Volume 5. 2008, №2; 25-36.*